

Концлагерь по-польски

Береза-Картузская в воспоминаниях и документах

В 1934 году в небольшом западнобелорусском городке Береза-Картузская польскими властями был создан один из самых жутких концлагерей за всю историю XX века. Даже то, что мы знаем теперь об австро-венгерском Талергофе, о гитлеровских лагерях смерти, о ГУЛАГе, не может заслонить собой правду о Березе-Картузской. Среди самых отвратительных палачей минувшего столетия польские каты выделялись весьма специфическим изуверством и изобретательностью. Чем это можно объяснить? Нацистские концлагеря преследовали цель уничтожения как можно большего числа людей. ГУЛАГ, как выясняется, создавался не только с целью длительной изоляции инакомыслящих, но и для выполнения экономических, производственных показателей. Иное дело концлагерь в Березе-Картузской. Здесь все служило одной цели: в кратчайшие сроки сломить человека физически и психологически, раздавить его индивидуальность, превратить в бессловесное быдло, даже не помышляющее о политической борьбе.

ТЕРАКТ ИЛИ ПРОВОКАЦИЯ?

Формальным поводом для создания лагеря стало убийство 15 июня 1934 года министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого, известного своими антиукраинскими настроениями. Исполнителем теракта был боевик Организации украинских националистов (ОУН) Григорий Мацейко, действовавший, как предполагают, по заданию Степана Бандеры. Но левые организации Польши уже в то время считали, что за убийством Перацкого на самом деле стоят польские спецслужбы. Это покушение сравнивали с поджогом Рейхстага в 1933 году, после которого в нацистской Германии начались репрессии против политических противников.

Действительно, польские власти отреагировали с подозрительной оперативностью. Они как будто только и ждали повода. Уже 17 июня 1934 года президент Речи Посполитой Игнацы Мосьцицкий подписал распоряжение «по вопросу о лицах, угрожающих безопасности, покою и общественному порядку». Кроме него документ заверили еще 11 министров польского правительства, включая Юзефа Пилсудского.

Автор благодарит за помощь в подготовке материала директора Березовского историко-краеведческого музея Любовь Николаевну Киватыцкую и старшего научного сотрудника музея Галину Сергеевну Кравчук.

Первая статья этого распоряжения гласила: «Лица, деятельность либо намерения которых дают основание допускать, что с их стороны грозит нарушение безопасности, покоя либо общественного порядка, могут подлежать задержанию и принудительному помещению в место изоляции, не предназначенное для лиц, подозреваемых либо арестованных в связи с преступлениями».

Решение об изоляции людей должны были принимать общегражданские администрации – не требовалось никакого судебного приговора. Причем это решение не могло быть обжаловано. Оговаривалось, что срок изоляции может достигать трех месяцев и затем продлеваться еще на три месяца. Изолированные могли привлекаться к работе.

Таким образом, согласно этому документу, без суда и следствия, по произволу властей в концлагерь мог быть брошен любой житель Речи Посполитой. Примечательно, что необходимость этих антиконституционных действий обосновывалась ссылкой на тогдашнюю польскую Конституцию.

Местом для первого такого «лагеря изоляции» (польск. «obóz odosobnienia») была выбрана Береза-Картузская. Свое название город получил от католического ордена картузианцев, который обосновался здесь в 1648 году. В 1867 году костел и монастырь картузианцев были снесены, а из их красного кирпича построены военные казармы. В этих-то казармах и разместился лагерь, огороженный забором и колючей проволокой.

На выбор места не в последнюю очередь повлияло то обстоятельство, что Береза-Картузская тогда входила в состав Полеского воеводства Речи Посполитой. Курировал работу лагеря полеский воевода полковник Вацлав Костэк-Бернацкий, известный своими садистскими наклонностями. Как пишет польский историк Войцех Слешиньский, этот деятель проявил себя в качестве хорошего тюремщика еще в 1930 году, когда был комендантом Брестской крепости, где содержались политические узники. Словом, когда Польше понадобился собственный образцовый концлагерь, страна быстро нашла необходимые квалифицированные кадры.

Возможно, при создании лагеря в Березе-Картузской был также использован опыт нацистской Германии, где с 1933 по 1935 год действовал почти аналогичный концлагерь в местечке Ораниенбург.

АРХИВЫ И КНИГИ

Следует сказать, что общественность в Польше и других европейских странах знала об ужасах концлагеря в Березе-Картузской с самых первых дней его существования. В польской демократической прессе неоднократно публиковались свидетельства его бывших узников. Хотя написано о лагере в Березе-Картузской немало, но объективных научных работ о нем, выполненных с соблюдением всех необходимых современных методик, все-таки не хватает, особенно в Беларуси.

Польское правительство в эмиграции 30 мая 1940 года образовало специальную комиссию для расследования обстоятельств, связанных с созданием и функционированием концлагеря. Результатом стало исследование судьи Петра Секановича, правда, опубликованное только в 1991 году.

В Беларуси в 1966 году был издан сборник воспоминаний бывших узников Березы-Картузской «Они не стали на колени», а в 1972 году увидела свет работа «Концлагерь в Березе-Картузской», где общее количество узников оценивалось примерно в 10 тыс. человек. Значительное внимание концлагерю в Березе-Картузской уделяет известный белорусский журналист Сергей Крапивин, опубликовавший фрагменты из хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь воспоминаний узников.

К сожалению, остались неизданными дипломные работы о концлагере В. Синяк (выполнена в 1999 году в Гродненском университете) и А. Козлотиной (машинописный вариант хранится в Березовском историко-краеведческом музее).

Много литературы, включая мемуары узников, издано в Украине и украинскими эмигрантскими организациями на Западе. В Польше в 2003 году опубликован труд В. Слешинского «Obóz odosobnienia w Beresiu Kartuzkiej. 1934–1939», который на сегодня остается самым фундаментальным научным исследованием о концлагере.

Самое главное, что о реалиях Березы-Картузской мы можем говорить строго до-

кументально, с опорой на многочисленные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Брестской области. Ждут своей научной публикации и объективной оценки воспоминания бывших узников концлагеря, хранящиеся не только в Национальном архиве Республики Беларусь, но и в фондах Березовского историко-краеведческого музея (БИКМ). Одни мемуары занимают два-три рукописных листка, другие простигаются на сотню страниц. Некоторые были изданы в уже упоминавшемся сборнике «Они не стали на колени». Но когда я сравнил подлинники воспоминаний В.Г. Искрик и Л.Т. Волосоюка, хранящиеся в БИКМ, с их опубликованными вариантами, стало ясно, что при подготовке к печати эти документальные свидетельства подверглись значительной литературной переработке и сокращению.

ПАЛАЧИ

Комментируя решение о создании концлагеря, премьер-министр Польши Леон Козловский в интервью информагентству «Искра» признавал: «Места изоляции будут иметь очень тяжелый, суровый режим и не будут ничем иным, как только орудием суровой и карающей руки государства». Бывший доцент археологии, научный сотрудник Академии наук Польши ничуть не преувеличивал.

Первым комендантом лагеря стал Болеслав Греффнер из Познани, его заместителем – В. Скрентовский, шеф-комендантом охранной роты – некто Грабовский. 1 декабря 1934 года Греффнера сменил в должности Юзеф Камалы-Курганский, его заместителем был Станислав Януш, а комендантом охранной роты назначен Петр Яжецкий (с

1938 года – Здислав Фаличевский). Количество полицейских варьировалось от 64 в 1935 году до более 130 в начале 1939 года.

Второй комендант лагеря Камалы-Курганский отличался изощренным садизмом. Именно ему принадлежит идея использовать уголовников, чтобы терроризировать политических заключенных.

Из воспоминаний бывшего узника И.Г. Колесникова: «В концлагере говорили, что в

Весна 1920 года.
Школа унтер-офицеров в Седльце.
Слева капитан Костэк-Бернацкий, впоследствии – полесский воевода

1934 году Камалія-Курганскі сжигал украінскія дрэвы, быў арганізатаром прослаўленай пачынальнай. За яго Камалю-Курганскага ценілі ў санацыйных кругах. Па гэтым яго накіравалі ў Берэзу пасля таго, калі скомпраметываў сябе раней быўшы інспектар лагера Грэффнер, адкрыты строннік гітлеровскіх метадаў іздэвальства над камуністамі».

Інтэресную класіфікацыю паліцэйскіх зрабіў быўшы узнік С.О. Кунцэвіч: «Пытэль – праходзіў спецыяльную школу, працаваў у аргане гасбезопаснасці Польшы, адрозніваўся жорсткасцю. Малецкі быў раз’юшаным катом, удзельнік забойства нашага таварыша Германіцкага, рэлігійным фанатыкам. Гаворылі аб ім, што ён пазней змяніўся да незнаёмай, перастаў іздэваць узнікаў, як бы пад уплывам таго, што ў яго загінулі дзве малалетнія даччы. Ленчовскі – самы свірэпый кат. Молодой, рослы, крэпкі, пры побоях даходзіў да бешэства. Солецкі – б’іў без пацады, гэтым, відавочна, задавальняўся як садзіст...»

Сярод іншых палачэй Берэзы-Картузскай, адрозніваўся асабліва жорсткасцю, Кунцэвіч называе паліцэйскіх Птрукневіча, Надольскага, Бернуцяка, Томака, Ковальскага, Сольскага, Марцінкевіча.

ВСТРЕЧА НОВИЧКОВ

Прыбыцці ў Берэзу-Картузскую узніккі адразу трапілі ў атмасферу, раслічаную на тое, каб падавіць іх моральна і фізічна. Крайне жорсткае абарашчэнне было санкцыянавана ўладамі. У прысутстве заключенных першы камандант лагера Б. Грэффнер патрабаваў ад паліцэйскіх, каб яны «білі напрамак у лоб у выпадку, калі лічаць гэта неабходным». Паліцэйскія былі ўзброены агнестрельным зброям і рэзінавымі палкамі, якія прымяняліся па кожнаму паваду. Зверскія побой узнікаў сталі ў лагера аб’яднаным з’яўленнем, практычна нармой.

Новопрыбыўшых заключенных стрыглі наголы і аблачалі ў спецыяльную форму з нашытымі на ёй лагэрнымі нумарамі. Кожны заучываў наизусть правіла паводзення, згодна з якім заключенны быў абязан слёпа выслушваць усе загаданні, выконваць іх хутка і ахотна. У выпадку непаслушання прымянялася фізічная сіла, арыст і карцэр. К паліцэйскаму узніку следвала абарашчэнне не інакш як «пане камандант», перамяшчацца па тэрыторыі

лагера толькі бегам. Куріць забаранялася. Усе узніккі павінны былі захоўваць поўнае молчанне. Пры малейшым супраціўленні прымянялася зброя. За прамедленне пры выкананні загадаў – побой.

У першы дзень знаходжання узнікаў памяшчалі ў спецыяльнае памяшчэнне для новічковаў – «каранцін». Там не было ніякай мэбелі, цэментны пол часта палявался вадой. Зімой тэмпература была ніжэй нуля. Узніккі днём стаялі лійцам да сцяны, а па начах укладваліся спаць на бетонным полу.

Еду ў першы дзень заключенныя не атрымлівалі. Знаходжэнне ў гэтай камере магло працягнуцца нават дзве ці тры тыдні, у залежнасці ад таго, як прыбывалі новыя партыі узнікаў. На працы з «каранціна» не вадзілі, але заставалі заключенных гадзінамі рабаваць адны і

тэ жа ізматываючыя фізічныя ўпражненні. Наряду з карцэрам «каранцін» быў адным з найбольш цяжкіх выпрабаванняў.

Із успамінаў быўшага узніка Л.Т. Воласюка (знаходзіўся ў канцлагера ў 1936 годзе): «Знах лагера нас выгналі ў аплетены шэсцю радзімаі прыводзіла двар с казармай, якая іменовалася арэстантскім блэком. Зда х нас прапусцілі знах шпалер паліцэйскіх с дубінкамі і втолкнулі нас па аддэльнасці ў маленкія каморкі, гдэ палач Пытэль, он же комендант блэка, падаваў нас асабай рэвізіі – абрабаце па голому телу. Пытэль же сам і прыводзіў ў чуство с памащю ведра вады. Затам Пытэль же выдаваў арэстантскае аблачэнне... Я палучыў нумар 633. Да паўночы двое паліцэйскіх абучалі нас, как мы должны справляться і весті себя, саправада «науку» дубінкамі. Па паўночы ворвалісь к нам чатыре паліцэйскіх во главе с майором. Я ізложыў рапарт, как мяня учылі. Майор леныво выслушал мяня і паліцэйскім сказаў прадаваць учебу. Один паліцэйскі схватыў мяня за адну руку, а другой за друтую, двое же друтых паліцэйскіх начали лупыть мяня па плечам і груды... Очнулся я весь облитый вадой ў тяжёлой ліхорадке».

Падабному же абхождэнію падвергалісь і жанчыны, памяшчэнныя ў лагера ў 1939 годзе. Вот что вспоминала бывшая узніца В.Г. Іскрык (была ў канцлагера ў сентабры 1939 года): «В нашэй партыі было всего 90 жанчынаў, ў асновном комсомольска-

Распазырачэнне новагрудскага воевады аб ізаляцыі Ніколая Тэафілавіча Кунейка із д. Остаповіцзна, гміны Шорсы, Новагрудскага павета, 1 сентабры 1938 года

го возраста. Перед воротами концлагеря всех нас выстроили по двое в ряд и пропустили за воротами до большого трехэтажного здания сквозь двойной строй полицейных с дубинками. Несколько странный вид избиения был для нас неожиданным и ужасным. Каждый полицейный старался обязательно ударить проходящую жертву дубинкой по голове или по спине. Особенно сильным истязаниям подвергались упавшие. То же самое происходило и на лестницах здания до третьего этажа».

РАСПОРЯДОК ДНЯ И БЫТ

После «карантина» узников размещали в камеры арестантского блока. В каждой находилось от 20 до 40 человек. Посреди камеры стояли сбитые из досок нары, между ними и стенами оставалось пространство 1 м, окна были забиты досками. В камере № 15 содержались самые стойкие политические заключенные, которые подвергались наибольшему издевательствам полицейских.

Автором распорядка дня был некто Шульц, референт польского МВД. Но свою руку приложил к его составлению и В. Костэк-Бернацкий.

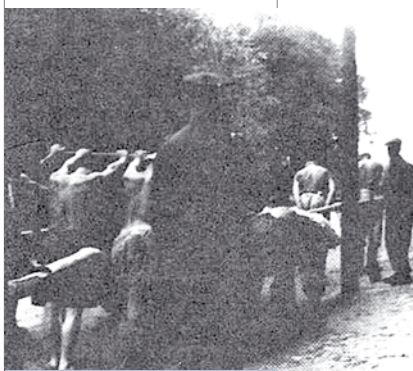
4.00 – подъем, 4.00–5.00 – уборка, мытье, оправка, 5.00–5.30 – завтрак, мытье посуды; 5.30–6.30 – переключка, рапорт, контроль камер; 6.30–11.30 – работа, упражнения; 11.30–13.00 – обед, мытье посуды, отдых; 13.00–17.00 – работа, упражнения; 17.00–18.00 – возвращение на территорию лагеря, переключка; 18.00–19.00 – ужин, мытье посуды; 19.00–19.15 – приготовление ко сну; 19.15 – ночная тишина.

В реальности этот режим соблюдался лишь формально. По многочисленным свидетельствам узников, и прием пищи, и отправление естественных надобностей производились по свистку и по команде «раз, два, три», то есть на все уделялись буквально считанные секунды.

Ночью узников будили проверки. С 1938 года регулярные ночные побудки стали завершаться часовыми упражнениями. Из воспоминаний бывшего узника А.Л. Кухарчука: «В палате был порядок таков: каждый час сорок минут должны отстоять, а двадцать можно на цементе посидеть. Смотреть должен только вдоль своей постели и никуда в сторону. Смотреть в глаза другому – ни в коем случае. За выпущенное слово кому-либо из заключенных избивали палками до бессознания».

Искрик
Вера Григорьевна,
член КПЗБ, уроженка
д. Чемеры Слонимского района

Каторжные
работы в концлагере
Береза-Картузская

Воскресенья и праздники первоначально были для заключенных днями отдыха: можно было сидеть на полу возле нар. Но в 1938 году после инспекционного визита Костэк-Бернацкого был придуман новый изуверский род пытки: в эти дни все узники должны были стоять лицом к стене.

Из воспоминаний И.Г. Колесникова: «Во время вечерней проверки нам прочитали приказ, что в воскресенье и в праздничные дни никому из узников не разрешается ни на одну минуту лечь и сесть на цементный пол. Все должны стоять в углу камеры как на поверке перед сном или рано после подъема... Скоро мы убедились, что этот приказ не был временным, а стал частью лагерного распорядка. С этого времени ни в воскресенье, ни в праздничные дни, а также все время свободное от работы и занятий уже не отдыхали как раньше около нар или под нарами, а весь длинный праздничный день и все свободное время стояли в двух шеренгах. Это было действительно мучение... Не каждый мог выдержать эту боль, некоторые теряли сознание».

Во время завтрака, обеда и ужина узник должен был в течение нескольких минут, вбежав в зал, взять свою порцию и сесть ее. Кто вбегал последним, уже не имел времени на еду.

Из воспоминаний бывшего узника И.Г. Живлюка: «Кормили очень плохо, на обед отводилось несколько минут... Постоянно хотелось есть, а за обедом иногда не успевали. Кто заходил последним, только успевал взять тарелку, как раздавалась команда «Бегом марш!».

Рацион заключенных был крайне скудным и не соответствовал физическим нагрузкам. Сохранился документ от 20 января 1939 года с раскладкой продуктов на питание одного узника. Завтрак: кофе (25 г), сахар (25 г), хлеб (700 г), творог (50 г). Обед: затирка [мука (120 г), картофель (500 г), солонина (40 г), соль (30 г), лук (10 г)]. Ужин: крупник [картофель (1 кг), солонина (15 г), ячневая крупа (100 г)].

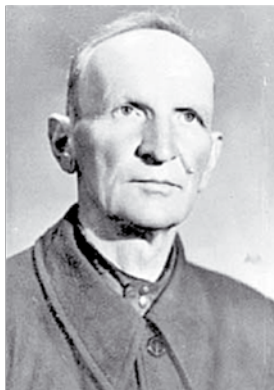
Те, кто находился в «карантине» или карцере, были лишены этого рациона. Получать продуктовые посылки узникам запрещалось. Полицейские практиковали и такого рода издевательства: после особо грязных работ, связанных с уборкой туалета или заделкой компоста, заключенным перед едой возбранялось мыть руки.

Отправление естественных надобностей было превращено для узников в еще одну физическую и психологическую пытку. В первые годы уборная находилась на первом этаже арестантского блока. Это была комнатка площадью 12 кв. метров. Здесь находился умывальник и три дырки в полу. Во время оправки сюда загоняли узников целой камеры, то есть 20–30 человек. Как вспоминал знаменитый польский публицист С. Цат-Мацкевич, тоже заключенный концлагеря: «По команде «раз, два, три, три с половиной, четыре» каждый из них обязан был расстегнуться, оправиться и застегнуться, что было очевидно абсолютно недостаточным временем, тем более что произнесение команды не было вообще продолжительным, но выражения «раз, два и т.д.» произносились в таком темпе, что вся команда не могла длиться больше чем полторы секунды». Многие опраивались прямо на пол, дежурные из числа заключенных должны были затем убирать это голыми руками, так как не имели никаких инструментов.

Когда количество заключенных в лагере стало увеличиваться, особенно к 1939 году, была сооружена уборная на улице. Сделана она была с таким расчетом, чтобы можно было еще больше поиздеваться над людьми.

Из воспоминаний Емельяна Кунцевича (узник в сентябре 1939 года): «Как выглядел туалет? Это был выкопанный в земле ров, сверху которого лежали довольно узкие доски, на которые узники вынуждены были всходить. Молодежи было легче, потому что она умела держать равновесие, а пожилым людям было труднее, и они могли упасть в ров, который был 2 метра глубиной».

Из воспоминаний бывшего узника А.Г. Никипоровича: «После муштры началась подготовка к вечерней поверке, опять излюбленный метод пересчета палками. Полицейские, идя один за другим, проверяли правильность подсчитанного количества узников ударами палки. Затем начинают между собой спорить: «Пан неправильно подсчитал быдло». Опять повторяется процедура пересчета ударами палки, и продолжалась она, пока отпадала у полицейских охота. После проверки подана команда «Подготовиться к оправке», несмотря на то, что мы были голодные. Уборная была сделана в метрах пятидесяти от площади, на которой производилась муштра. Это была вырытая траншея метров десяти длиной. Положена вдоль траншеи перекладина, на которой са-

Волосюк
Лука Трофимович,
член КПЗБ,
уроженец д. Батчи
Кобринского района

Колесников
Иван Григорьевич,
член КПЗБ, уроженец д. Бытень Ивацевичского района

дились. Траншея была открыта. Вот устройство туалета, как они называли – «устэмп для быдла». После команды «Подготовиться к оправке» сразу подавался свисток. Подгоняя палками узников, команда «До с... бегом марш!». Не успели последние добежать, как уже подавалась команда «От с... бегом марш!». Многие из нас со слабыми желудками не могли удержаться, в особенности пожилые... Направление в камеры было подано палкой, между двух рядов выстроившихся полицейских, вооруженных палками во дворе и внутри здания, по коридору и лестнице, до самой камеры. Подгоняя палками, чтоб быстрее бежали, приговаривали: «Прэндзэй, прэндзэй, с курвы сыны, хамы, быдло!».

Баня для заключенных была по субботам. На дворе человек оставлял одежду, затем подбегал один вслед за другим под струю воды и намыливал тело, после чего подбегал под душ, чтобы смыть мыло. Движение регулировалось полицейскими с резиновыми палками, которые с удовольствием избивали узников, так как удары хорошо ложились на мокрые намыленные тела. Дезинфекция одежды была еще одним способом издевательства над людьми: комплект одежды на каждого был один, поэтому узникам приходилось ждать на дворе голыми вне зависимости от погоды.

Более легкую работу получали узники, подписавшие декларацию об отказе от политической деятельности, или доносчики. Их направляли на уборку полицейского блока. Остальные пахали и бороновали землю, работали в мастерской по изготовлению бетонной плитки, мостили дороги, выбирали компост из старых выгребных ям. Некоторые работы носили откровенно издевательский характер: например, копать рвы, а потом засыпать их обратно. Все это сопровождалось побоями.

Из воспоминаний И.Г. Живлюка: «Работы были тяжелые. Качали приводом воду, били камень. От молотка ладони растирались в кровь. Запрягали в борону, пахали землю. На борону клали камни, чтобы она глубже врезалась в землю. Меня впрягали вместе с И. Липшицем в телегу вывозить нечистоты из уборной. В ответ полицейскому Липшиц бросил фразу, что эту бочку мы можем отвезти в Лигу Наций, за что его и меня бросили в карцер...».

Л.Т. Волосюк: «Как труд, так и муштра сопровождалась всякого рода издевательствами и избиениями. За лето заключенные раскопали и разобрали все фундаменты от всех зданий сожженного военного городка. Кирпич, камни и груз – все вытаскивалось на-

верх и носилками относилось в бурты. Тяжелые камни до полтонны весом откатывались, а малые до центнера относились носилками. Часто носилки ломались от тяжести, и за это «вредительство» полицаи секли дубинками. С пустыми носилками должны были возвращаться бегом. Но самым тяжелым и гнусным издевательствам была заделка компоста. Глубокие ямы, залитые фекалиями, засыпались соломой из матрасов, листьями и всякого рода мусором. В эти ямы вгоняли человек двадцать месить и накладывать на ноши компост. При такой работе все мы вымазывались фекалиями до чела. С помощью лопаты никак нельзя было справиться с этой работой, а надо было на лопату подваливать рукой. Такое издевательство тешило наших палачей и злило без границ, что не было слабеньких, чтобы изъявить согласие работать с полицией. Издевательства укрепили дух узников в надежде на лучшее будущее».

Самым тяжелым наказанием был карцер. Здесь заключенному в течение семи дней не давали ни еды, ни отдыха. Не было даже нар, только ледяной бетонный пол, который, к тому же, регулярно поливался водой. Спать узник тоже не мог, поскольку каждые два часа обязан был отвечать на запрос дежурного полицейского.

Из воспоминаний И.Г. Колесникова: «Карцер – это самое тяжелое наказание. Это бывшие пороховые склады. Подвальное сырое помещение находилось в земле, воздуха не хватало. Совершенно темное – ничего не видно. Размером некоторая камера была около трех метров длиной и шириной. Маленькое окошко иногда выходило на двор или в коридор, так называемый «волчок». Семь суток карцера человек был оторван от воздуха, от солнца, от людей, от товарищей, от корпусного матраса, хотя он был совсем плохим – вместо соломы побитая потеруха – но он казался в то время большой роскошью. Когда направляли в карцер, всё тщательно просматривали: теплое белье, шерстяные носки, ремни, шнурки с ботинок убирали. А пол в карцере был сырой, холодный, иногда полицейские специально напускали воду, чтобы было еще больше сырей и холодней. Пальто арестантское или куртку только давали на ночь. Каждые два часа часовые полицейские менялись. Кормили в карцере первые сутки 350 грамм хлеба, покрывку от котелка воды сырой и больше ничего не давали. На вторые сутки давали, кроме 350 грамм хлеба, половину пайка супа и кофия. Голод в карцере чувствовали каждый день. Просидевший семь суток в карцере человек выходил совершенно неузнаваемый: бледный, истощенный. Товарищи помогали тем, кто вернулся из карцера, выделяли со своего пайка хлеб, суп и картошку».

Живлюк Иосиф Герасимович, член КПЗБ, проживал в г. Свислочь Гродненской области

Гуль Владимир Петрович, узник концлагеря в Березе-Картузской в сентябре 1939 года, в 1964 году – председатель Несвижского горисполкома Минской области

Особо изощренной пыткой была так называемая «гимнастика», или «муштра». По несколько часов в день узники на плацу занимались бессмысленными физическими упражнениями, направленными на то, чтобы довести человека до полного истощения. «Муштрою» руководили не только полицейские, но и «инструкторы», набранные из числа уголовников. Бывало, на плац выливались нечистоты, в которых узников часами заставляли ползать по-пластунски.

Из воспоминаний бывшего узника А.Л. Кухарчука: «Муштры применялись на плацу за колючей проволокой с самого утра и до вечера: ходить гусиным шагом в полуприсевшем положении, или падать плашмя всем туловищем, или, став на полуприсест, вытянув руки вперед, и стой до тех пор, пока не скажут: «Повстань!». Месяц времени меня муштровали с группой обыкновенных, после чего вызывают до рапорту и зачитывают 5 дней тяжелых физических зарядок, с особой группой провинившихся за то, что я разговаривал в подвале... Специально загоняли в лужу, чтобы выкачать налево и направо в одежде, так ложиться приходилось и в постель-нары».

Уголовникам принадлежала идея соорудить в лагере так называемую «красную дорожку», засыпанную острыми кирпичными обломками. По ней узников заставляли ползти на локтях и коленях, которые обдирались в кровь. Иногда ее называли «дорожкой Сталина», так как полицейские говорили коммунистам, чтобы они ползти по этой дорожке к «вождю народов».

Из воспоминаний И.Г. Колесникова: «В марте месяце 1938 года была организована из криминальников-поножовщиков группа инспекторов... Особенно издевались над коммунистами инструкторы Душчанка с Люблинщины и Алехна с Сувалок. Они перешеголяли наилучших полицейских. На занятиях люди теряли сознание от бессилия и нервного напряжения. Но Душчанку не удовлетворяла существующая система издевательства и избивания узников... По его инициативе в концлагере была сделана прославленная своей жестокостью «красная дорожка». Около новой учебной площадки была сделана дорожка длиной около 30 метров, шириной немного больше метра. Ее выложили битым кирпичом. Эта дорожка действительно была красной как от кирпича, так и от людской крови, которая текла по ней. «Винovatый за невыполнение приказа» должен был ползать по этой дорожке в одну и в другую сторону с поднятыми руками. После такого мучительного занятия человек возвращался в строй облитый

потом и с окровавленными коленями. Приказывали также по дороге в карцер узникам на коленях пройти по «красной дорожке».

КОЛИЧЕСТВО ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Как установил В. Слешиньский, за время существования лагеря в Березе-Картузской с 1934 по 1939 год в нем, по официальным данным польских властей, находилось примерно 3 тыс. заключенных. Хотя польский историк и признает, что полные списки не сохранились. Каждый узник имел свой порядковый номер. Один из самых последних (3091) был присвоен Тадеушу Бешчынському, который прибыл в лагерь 29 августа 1939 года. Это приблизительно сходится с данными Государственного архива Брестской области, где хранятся 2986 личных дел заключенных Березы-Картузской.

Но дело в том, что с началом Второй мировой войны в концлагерь стали массово интернировать жителей Западной Беларуси. В воспоминаниях В.П. Гуля, который находился в лагере в сентябре 1939 года, звучит цифра в 10 тыс. узников: «Когда вводили новую партию заключенных, всех нас, около 10 тыс. человек, клали на землю и запрещали оглядываться, а их пропускали между двух шеренг полицейских и уголовников и били прикладами винтовок и дубинками. Многие жертвы падали замертво – на них никто не обращал внимания».

Сколько же было среди заключенных белорусов? Ответить на этот вопрос нелегко. Первыми в концлагерь были помещены деятели польской крайне правой партии «Народно-радикальный лагерь» и украинцы из ОУН. Как следует из воспоминаний И.Г. Живлюка, находившегося в лагере в 1935 году под номером 344, он был шестым по счету белорусом, попавшим в Березу-Картузскую.

По подсчетам В. Слешиньского, из числа официально зарегистрированных трех тысяч узников поляки составляли 43 %, евреи – 33 %, украинцы – 17 %, белорусы – 6 %, немцы – 1 %. Это, по его мнению, совпадает с переписью 1931 года в Польше. Но не будем забывать, что в польских переписях многие белорусы фигурировали как «поляки», поскольку положительно отвечали на вопрос, пользуются ли в быту польским языком (кто же им не пользовался в межвоенной

Польше?!). К тому же, некоторая часть населения называлась «полешуками», а не белорусами. Если учесть, что в сентябре 1939 года в лагерь попало несколько тысяч интернированных жителей Западной Беларуси, то нельзя согласиться с заниженной цифрой 6 %. Судя по всему, через Березу-Картузскую прошли тысячи белорусов, никак не меньше половины от общего числа узников и интернированных.

Заметим также, что расположение концлагеря в Березе-Картузской стало настоящей головной болью для местного населения, которое также подвергалось издевательствам и побоям со стороны полицейских.

Узники концлагеря в Березе-Картузской после освобождения войсками Красной армии 18 сентября 1939 года. Слева направо: М. Бадаш, Х. Хомский, В. Король, Г. Король, фамилия неизвестна

Из воспоминаний А.Г. Никипоровича: «Когда повстречался идущий нам навстречу крестьянин (видно, не знавший лагерного закона), то, поравнявшись с первой колонной, повернул голову к колонне. В то время вдруг набросились на него полицейские, сбили с ног прикладами винтовок, начали избивать лежащего. Граждане, знающие порядок на территории концлагеря и прилагающей к нему местности, при встрече с арестованными сходили в сторону от дороги метров на двадцать, поворачивали голову в противоположную от арестованных сторону».

Заметим также, что расположение концлагеря в Березе-Картузской стало настоящей головной болью для местного населения, которое также подвергалось издевательствам и побоям со стороны полицейских.

ЧИСЛО УБИТЫХ

За пять лет существования лагеря, по подсчетам В. Слешиньского, в нем от жестокого обращения погибло 13 заключенных. Большинство из них были доведены в лагере до физического и психологического истощения, а затем направлены умирать в Кобринский госпиталь. Вот список погибших, который приводит польский историк: 13 мая 1936 г. – Абрам Германский (лагерный номер 624); 23 мая 1936 г. – Ян Мозырко (511); 9 мая 1937 г. – Моисей Мализман (780); 18 января 1938 г. – Пыжаковский (1678); 22 марта 1938 г. – Рыневич (1610); 1 апреля 1938 г. – Юзеф Недельский (1725); 15 июня 1938 г. – Михаил Кривонос (2069); 16 июня 1938 г. – Пидсачук (1826); 5 февраля 1939 г. – Фе-

дорович (2601); 9 февраля 1939 г. – Оскар Кретшмер (2693); 30 марта 1939 г. – Кароль Кравчык (2600); 13 июля 1939 г. – Альберт Вальдман (3000). Кроме того, 5 февраля 1939 г. в туалете арестантского блока, не выдержав издевательств, покончил жизнь самоубийством Давид Цимерман, перерезавший себе горло ножом.

Из этих людей, как минимум, один белорус: это Александр Антонович Мозырко. В книге В. Слешиньского он ошибочно назван Яном. Как сказано в «ордере на изоляцию», Мозырко с 1930 года был активистом КПЗБ в Бельском повите (сейчас это территория Подляского воеводства Польши). В 1932 году стал секретарем райкома КПЗБ в Беловеже. 23 июля 1932 года был арестован и приговорен к трем годам тюрьмы. Освободился в сентябре 1935 года, организовывал забастовочное движение среди рабочих лесной промышленности. Создал комитет КПЗБ в Пружанском повите. 21 апреля 1936 года Мозырко был отправлен в концлагерь в Березе-Картузской, где и был зверски убит полицейскими в результате ужесточения лагерного режима после рабочих забастовок в Кракове и Львове.

Жертвой тех же репрессий стал и студент еврей Абрам Германский (в документах называется также Германисским и Германицким), член КПЗБ из Свенцяи. В Березу-Картузскую он попал 4 мая 1936 года. Уже через четыре дня Германского посадили на неделю в карцер «за симуляцию болезни». 12 мая он был доставлен в Кобринский госпиталь, где на следующий день скончался.

В книге «Память» Березовского района уже была уточнена фамилия другой жертвы лагеря: Пидсадюк Яць Иванович, 1904 года рождения, член Компартии Западной Украины. Попал в Березу-Картузскую 21 марта 1938 года, и также умер в Кобринском госпитале.

Нуждается в уточнении и дата смерти Михаила Вольфовича Кривоноса, 1893 года рождения. Он был заключен в лагерь за революционную деятельность 4 апреля 1938 года. Согласно справке из Государственного архива Брестской области, попал в Кобринский госпиталь 11 апреля, где скончался 15 апреля (а не июня) от порока сердца, опухоли легких и воспаления почек.

Есть основания предполагать, что количество погибших и замученных узников

концлагеря в Березе-Картузской значительно превышает число 13. В воспоминаниях Н.С. Ганецкого (находился в лагере с мая по сентябрь 1939 года), опубликованных С. Крапивиним, говорится о массовой гибели заключенных. В одном случае Ганецкий участвовал в захоронении сразу четырех человек, чьи тела были черными от побоев.

Обелиск, установленный на месте бывшего концлагеря в 1962 году. На заднем плане – здание, которое занимала лагерная администрация

СБОЙ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Вполне очевидно, что в межвоенной Польше создание и функционирование Береза-Картузского концлагеря не было случайным «системным сбоем». Это было следствием внутренней политики польского государства по отношению к политическим противникам и населению земель Западной Украины и Западной Беларуси, оккупированных в 1919–1920 годах.

Концлагерь настолько вжился в государственный организм Польши, став его неотъемлемой составной частью, что, как выяснила комиссия 1940 года, квалификация того или иного воеводы оценивалась исходя из того, сколько людей он направил в Березу-Картузскую. Если мало – то воевода аттестовался как неэнергичный, не склонный к государственному строительству.

Вместо трех месяцев некоторые узники, например, Соломон Ёллес и Мозес Горовитц, находились в лагере более трех лет.

Есть данные, что в 1938 году польские власти планировали создать еще один такой же лагерь (примерно на 1500 интернированных) в Келецком воеводстве, но этот план был сорван войной.

Олег ЛИЦКЕВИЧ ▀